

Появление Чу Дацина заставило Чу Няня временно отказаться от плана побега на полпути. Он как раз раздумывал над тем, чтобы сбежать пораньше, среди глубокой ночи, когда почувствовал, что веки стали невероятно тяжелыми, а сонливость оказалась просто непреодолимой.

В тот момент ему было уже не до размышлений: решив сначала вздремнуть, чтобы немного прийти в себя, он кое-как собрал свой небольшой узелок с вещами, повалился на кровать и заснул.

Кто бы мог подумать, что он так крепко проспит.

Его грубо растолкали еще до рассвета, когда даже петухи не начали кукарекать.

— Скоро уже отправляться в путь, а ты всё лежишь и не встаешь! Телега с быком уже запряжена, хватит мешкать.

Сонный и со слабыми силами, Чу Нянь даже глаза не успел открыть, как Чу Дамэй вытащила его во двор, а когда он сообразил, что к чему, его уже усадили на телегу.

— Еще спасибо скажи, что сам вещи собрал, иначе провозились бы еще добрую половину дня.

Чу Дамэй с недовольным видом швырнула ему его узелок и сама уселась на дощатый настил телеги.

Сейчас Чу Няню было совсем не до того, чтобы препираться с Чу Дамэй. В душе он яростно корил себя: как он мог так проспать? Стоило вздремнуть — и прекрасная возможность упущена, а план побега пошел прахом.

Неужели ему и впрямь придется ехать до самого конца и его напрямую доставят в семью Чжан? Разве это не значит, что ему действительно придется выходить замуж?

— Знал бы, что придется столько ждать, подольше бы поспал. И отец тоже хорош: о хорошем не думает, а меня заставил тащиться за тридевять земель провожать новобрачных. Что за напасть!

Услышав этот голос, Чу Нянь испуганно вздрогнул. Резко повернув голову, он увидел недовольного Чу Цинхэ — и в его сердце внезапно вновь забрезглось некое подобие уверенности.

Чу Дацин, судя по всему, больше не желал заниматься его делами, но в то же время был вынужден довести дело до конца, поэтому ему пришлось отправить вместо себя Чу Цинхэ.

Чу Цинхэ был ленив, ко всему относился спустя рукава и был куда менее опасен, чем Чу Дацин. Раз так, ситуация еще не зашла в полный тупик.

Из-за этого Чу Няню даже показалось, что Чу Цинхэ стал выглядеть чуточку приятнее.

— Цинхэ, поехали!

— Мам, иди обратно в дом!

Крики Чу Дамэй заставили Чу Няня резко вернуться в реальность. Только тут он заметил, что из-за забора главного двора выглядывает чья-то голова — кто это мог быть, если не госпожа Чу?

Он бросил взгляд по сторонам: кроме госпожи Чу, больше никто не показывался. Похоже, остальные домашние не пожелали вставать ни свет ни заря ради проводов, включая даже родителей прежнего владельца тела.

Видимо, они и впрямь разозлились не на шутку!

Госпожа Чу провожала свою внучку, к нему же это не имело ни малейшего отношения.

Да и ладно, так даже лучше. Раз уж разругались — значит, разругались, и в такой момент никто из них не станет опускать голову и признавать свое поражение.

Тихий и незаметный уход — как раз то, чего он и добивался.

По окрику Чу Цинхэ телега с быком со скрипом тронулась с места и, навстречу зарождающемуся солнцу, покатила прочь из деревни.

Он думал, что после окончания весенней пахоты ранним утром на улице почти никого не будет, но, к своему удивлению, по дороге заметил множество людей, спешно шагавших в сторону восточной окраины деревни.

Кто-то из знакомых соседей, увидев их телегу, не удержался и спросил:

— Ого! Нянь-гэр ведь тоже сегодня из дома уходит? Почему же без свадебного наряда?

Любопытные зеваки пристально разглядывали Чу Няня и, заметив, что он одет в обычную повседневную одежду, презрительно скривились:

— Пусть даже в наложники идет, всё равно полагалось бы справиться красный наряд для

свадебной церемонии!

С того самого дня, когда полуживого Чу Няня принесли обратно в деревню, слухи о нем разнеслись по всей деревне Линцюань.

Сплетни ходили самые разные, но Чу Дамэй не собиралась обращать на них внимания. Она с раздражением взмахнула рукой:

— Идите, идите отсюда! Поутру бодрее петухов, да? Какое вам дело до того, во что мы одеты, ступайте занимайтесь своими делами!

Легко языком трепать, стоя в сторонке: пошив праздничного наряда стоит денег! Его родная мать даже для себя пожалела серебра, чтобы справить ему свадебную одежду, с какой стати ей было тратиться?

К тому же, они подписали бумагу о разрыве отношений — даже если бы платье было готово, ему бы вряд ли позволили уйти в нем. То, что ему разрешили забрать узелок с пожитками, уже было проявлением величайшего милосердия.

К тому же, хотя госпожа дома семьи Чжан и согласилась на то, чтобы ее муж взял наложницу, она не желала видеть, как новоприбывшая входит в дом с помпой. Они даже праздничный стол накрывать не стали, а перед отправкой строго-настроено приказали ей завести человека через заднюю дверь, и на этом свадьбу считать оконченной.

Тц-тц! Ни одна из сторон не придает этому значения, так с какой стати чужакам языки чесать?

Однако праздные разговоры на этом не прекратились. Те двое, что уже отошли недалеко, продолжали шептаться между собой:

— Да брось ты расспрашивать. Говорят, они просто продали Нянь-гэр чужим людям, разве это повод для гордости? Стыдно такое выставять напоказ.

— Эй! Что вы там болтаете?! Языки распустили, смотрите, я вам их разорву! — разъярилась Чу Дамэй и чуть не выпрыгнула из телеги.

— Ой! Сами такое сотворили, а людям и сказать нельзя? До чего же наглые!

— Ладно, хватит болтать, нам лучше поторопиться к старосте деревни, помочь надо! Вот у них сегодня настоящая, благопристойная свадьба.

Те двое все же не хотели ввязываться в неприятности и, недовольно огрызнувшись пару раз, повернули назад и скрылись из виду.

Чу Нянь не желал ввязываться в перепалки с этими сплетницами, поэтому молчал всю дорогу, однако из разговора тех двоих кое-что всё же почерпнул.

Подумать только, сегодня как раз день свадьбы Сун Шиюаня и девушки из семьи Вэй. В свое время прежний владелец тела как раз и планировал вернуть Сун Шиюаня до их свадьбы.

И чем все закончилось? Он сам уже умер, а чужая свадьба идет своим чередом. Разве смерть не была обидной до безумия?

Заметив его молчание, Чу Дамэй испугалась, как бы он, услышав о свадьбе Сун Шиюаня, снова не удумал какую-нибудь глупость, и поспешила предостеречь его:

— Послушай, Нянь-гэр, дело уже решенное, так что выбрось из головы всякие глупости. Если приедешь в семью Чжан и заживешь там нормальной жизнью, это всяко лучше всего остального.

Услышав это, Чу Цинхэ перехватил инициативу и возразил:

— Но третья тетушка, я слышал, что после свадьбы Сун Шиюаня собираются поселить прямо в поместье Вэй! Разве это не значит, что он стал зятем, живущим в доме жены? Тоже мне повод для гордости!

— Ой-ой-ой! Ты посмотри на него, еще и нос воротит!

Стоило Чу Дамэй услышать это, как она тут же забыла о том, что думает Чу Нянь, развернулась к племяннику и принялась с азартом растолковывать ему все выгоды такого положения:

— Он ведь берет в жены единственную дочь семьи Вэй! Пусть даже в учебе не преуспел, зато заполучит огромное состояние, разве ты не слышал? Желающих посвататься к этой девице выстраивалась длиннейшая очередь, и все сплошь люди знатные и уважаемые! Если бы не смазливая мордашка Сун Шиюаня, он бы, пожалуй, и в очередь встать не заслужил. Ради такой выгоды разве важно, что он зять-примак?

Вдоволь наговорившись, она с презрением покосилась на племянника:

— То ли дело ты — ни на что не годен, а иначе твой папаша наверняка заставил бы тебя подать заявку!

— И даром не надо.

— Ну надо же, какой гордый.

Слушая их перепалку, Чу Нянь, кроме чувства несправедливости за прежнего владельца тела, ничего больше не испытывал.

Если разобраться, этот Сун Шиюань был лишь алчным и тщеславным карьеристом, двуличным негодяем, к которому он не испытывал ни малейшего уважения.

Ну а прежний хозяин тела? Не умел разбираться в людях, отдал сердце не тому — и чего он ожидал в награду?

Ах да, забыл! Теперь-то пожинать горькие плоды выпало ему, попаданцу. Как же ему хотелось встретиться с тем несчастным и сказать: «Спасибо всей твоей семейке!»

Незаметно телега выехала за пределы деревни Линцюань. Селение постепенно скрывалось в утренней дымке, и возвращаться сюда Чу Няню уже было не суждено.

Пока он размышлял об этом, под мерное покачивание телеги на него вновь накатила волна сонливости. Бросив взгляд на спутников и сообразив, что сейчас не время для разговоров, Чу Нянь со вздохом привалился к бортику, устроился головой на собственном узелке и тут же заснул.

Уже закрывая глаза, он с удивлением подумал: его ведь буквально продают, с чего бы на него нападала такая непреодолимая сонливость? До чего же спать хотелось...

<http://bllate.org/book/22371/2346375>